

ПИСАТЕЛЬ ЛАРС СААБИ КРИСТЕНСЕН:

Известия - 2005 -
11 марта - 0.22.

«В Скандинавии в течение многих веков принято писать саги»

Зарубежным гостем весенней книжной ярмарки, которая проходит с 9 по 14 марта в ВВЦ, стал норвежский писатель Ларс Кристенсен. Впервые на русском языке вышел его роман «Полубрат», получивший одну из самых престижных норвежских премий — премию Северного совета. С Ларсом Кристенсеном встретилась корреспондент «Известий» **НАТАЛЬЯ КОЧЕТКОВА**.

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

ИЗВЕСТИЯ: Действие вашего романа начинается сразу после Второй мировой войны — для вас это главный рубеж, разделяющий XX век?

ЛАРС СААБИ КРИСТЕНСЕН: Для меня и для моего поколения это совершенно особое время. Истории, которые мы рассказываем, всегда начинаются во время Второй мировой войны.

ИЗВЕСТИЯ: Но вы же родились через несколько лет после войны...

КРИСТЕНСЕН: Мое поколение выросло в 60-е годы, когда происходила, как мы считаем, модернизация Норвегии и включение ее в мировое сообщество. Это следствие послевоенного времени.

ИЗВЕСТИЯ: Почти всех героев романа вы наделили теми или иными физическими изъянами. Зачем?

КРИСТЕНСЕН: Я визуальный писатель, поэтому мне кажется, что так, во-первых, интереснее, во-вторых, письмо становится более наглядным. Одно дело, ког-

да ты пишешь о человеке, который ощущает себя маленьким, и другое — когда он небольшого роста на самом деле.

ИЗВЕСТИЯ: «Полубрат» — это фактически семейная сага. Сейчас это не самый популярный жанр. Почему он вас привлек?

КРИСТЕНСЕН: (Задумывается.) Ну, можно сказать, что это восходит к скандинавской саговой традиции. В Скандинавии в течение многих веков принято писать саги. Существует мощная традиция рассказывания. Конечно, когда я начал писать этот роман, то не собирался писать сагу. Я хотел создать большое историческое пространство, сцену, на которой происходит камерное действие — история о двух братьях.

ИЗВЕСТИЯ: То есть «Эдда» и «Песнь о нибелунгах» по-прежнему актуальны?

КРИСТЕНСЕН: Да. Это, конечно, не то, на что мы ориентируемся в современной литературе, но это некоторый фундамент, то, что мы развиваем, может быть, даже неосознанно. Норвежский язык — язык хороший, но не слишком разнообразный, поэтому, наверное, так важно сохранять и развивать эту традицию наррации.

ИЗВЕСТИЯ: В романе важную роль играет кино: Берлинский кинофестиваль, герой выступает как сценарист. Вы сами пишете сценарии?

КРИСТЕНСЕН: Я написал сценарии ко многим норвежским и скандинавским фильмам. Хотя для меня основным всегда является язык и способ подачи, который в этом романе действительно очень визуальный.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к объединению «Догма»?

КРИСТЕНСЕН: Я думаю, что такое расслабляющее кино может быть выходом. Впрочем, считаю это довольно экзотическим занятием. Я думаю, что когда человек пытается изобрести какие-то правила, то в какой-то момент они позволяют ему расслабиться и пошутить. Но если зайти слишком далеко, то шутки становятся дурного вкуса.

ИЗВЕСТИЯ: Вы пишете тексты песен, играете в группе Norsk Ut Flukt («Норвежский запасный выход»). Карьера профессионального музыканта вас не привлекала?

КРИСТЕНСЕН: Нет. Я всегда находился под воздействием музыки, и, наверное, это было основным побуждением к писательству. Надо сказать, что в музыкальной группе я не пою и не играю. Я пишу тексты и зачитываю их под танец.

ИЗВЕСТИЯ: Почему не поете?

КРИСТЕНСЕН: Не могу.

ИЗВЕСТИЯ: У одного из ваших героев есть список того, что нельзя говорить журналистам. У вас он есть?

КРИСТЕНСЕН: (Смеется.) Нет, хотя я давно мечтаю его завести.

Норвежцы знают в эпосе толк

Роман Ларса Кристенсена «Полубрат»

Известия

Николай Александров

На Западе некоторые критики уже назвали «Полубрата» лучшим произведением, написанным в XXI веке. Наверное, это преувеличение. Но преувеличение показательное.

Этот роман впечатляет уже размерами. Почти восемьсот страниц. И это не детектив, не триллер, а настоящая эпопея. Серьезная литература. Короче говоря, писатель должен рассчитывать на определенное мужество читателя. Кто сейчас читает эпопеи.

Впрочем, Кристенсен далек от стилизации, от намерения просто эксплуатировать язык канонического романа, с которым, разумеется, знаком. В тексте есть упоминания и романа Сигрит Унсет «Кристина, дочь Лавранса», и произведений Кнута Гамсуна (имя последнего, правда, упоминается в довольно неожиданном контексте: одна из героинь отправляет тома собрания сочинений писателя в камин). Кристенсен делает поправку на время. Сагу о «Полубрате» (сводном брате), или о двух братьях Барнуме и Фреде, историю (и трагедию) одной семьи он рассказывает как бы кинематографическим языком. Это тем более оправдано, что главный герой сценарист. Общий эпический поток дробится на эпизоды, на сцены. Это как картины воспоминаний. Это накатывающиеся волны памяти, это прошлое, которое

преследует Барнума, врывается в его сознание и требует осмысления, требует слова.

Прошлое молчит в человеке, потому что оказывается тайной, темнотой. Потому что истинная трагедия всегда оборачивается молчанием, и герои в романе месяцами молчат: молчит Вера, мать Фреда и Барнума, после того как ее изнасиловал на чердаке неизвестный девятипалый мужчина. Молчит Фред, переживая тайну своего рождения или задумывая убийство своего отца. Воспоминания приходится усиливать, отрывать, фрагментами вырывать из темноты, преодолевая молчание. Однако эта фрагментарность общей эпической интонации не вредит. Просто время вносит свои коррективы, нынешнее клиповое, дробное время. Но эпическая тяжесть языка, подробный, дотошный характер описаний сохраняются. Эпический стиль чувствуется сразу, с первых же страниц. И с первых же страниц понятно, что эту историю невозможно рассказать быстро. Просто Кристенсен как будто оберегает читателя от эпической тяжеловесности, делает паузы, пытается организовать общий ритм повествования. Пожалуй, этим роман и интересен в первую очередь, как поиск ритма, правильного дыхания, когда сам жанр обязывает выдержать длинную дистанцию, не сбиться и не задохнуться.

Ларс Сааби Кристенсен. Полубрат / Пер. с норв. О. Дробот. — М.: Махаон, 2005. — 768 с.

